

Елена Ковтун

Институт славяноведения РАН
Отдел истории славянских литератур
Российский государственный гуманитарный университет
Кафедра славистики и центрально-европейских исследований
kovelen@mail.ru

УДК 821.16.09*20*(=161.1)
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2023.27.2.17>
оригинални научни рад
примљен 30. 6. 2023.
прихваћен за штампу 22. новембра 2023.

СОВРЕМЕННАЯ СЛАВЯНСКАЯ ФАНТАСТИКА В ПЕРЕВОДАХ И РЕЦЕПЦИИ В РОССИИ

В статье рассмотрен ряд фантастических произведений современных польских, чешских, сербских и болгарских писателей, изданных в 1990–2010-е гг. в переводах на русский язык, а также читательские оценки данных текстов, представленные на крупнейшем российском специализированном интернет-портале «Лаборатория фантастики». Отобранные для анализа произведения иллюстрируют активно идущие как в российской, так и в зарубежной по отношению к ней фантастике на протяжении трех последних десятилетий художественные процессы: возрастание жанровой дифференциации фантастических текстов, комбинирование элементов научной фантастики и фэнтези, сочетание реалистического изображения конкретной исторической эпохи с привносимой в эту эпоху яркой фантастической образностью, нередко сопровождающееся обнаженностью, а порой и пародированием созданной на основе подобного сочетания условно-фантастической конструкции. В статье определяется содержательная и художественная специфика современной славянской фантастики, указывается ее связь с советской и восточноевропейской фантастической традицией предшествующего периода (1960–1980-е гг.) и наиболее значимые отличия, характеризующие новейшую эпоху ее развития. Отмечается изменение проблемно-тематических приоритетов современной фантастики и закономерностей ее функционирования в литературном и культурном пространстве славянских стран, смена лидирующего типа фантастического повествования (от научной фантастики к фэнтези), ориентация фантастического текста на изменившуюся читательскую аудиторию. Наряду с фантастикой как особой областью художественной литературы в статье также затрагивается содержащая фантастический элемент «элитарная» проза постмодернистского и более позднего периодов. Показана характерная для данной прозы тенденция к «минимизации» вымысла – от «фантазмагорических» текстов 1990-х гг. к произведениям последующих десятилетий, допускающим двойную, как «реалистическую», так и «необычайную», трактовку.

Ключевые слова: современная славянская фантастика, переводы славянской фантастики в России.

The article examines a number of science fiction and fantasy works, written by modern Polish, Czech, Serbian, and Bulgarian authors, which were published in Russian between the 1990s and 2010s. Reader reviews of those texts posted on the largest specialized Russian internet portal “Laboratoria fantastiki (Laboratory of Science Fiction and Fantasy)” are also analyzed. The texts selected for the analysis illustrate the active artistic processes occurring both in Russian science fiction and fantasy and their foreign counterparts. Those processes include an increasing genre differentiation of sci-fi and fanta-

sy texts, synthesis of the elements of science fiction and fantasy, combination of realistic depictions of a historical period with rich fantastical imagery introduced into it, often accompanied by exposing and sometimes parodying conventional fantastic constructions created by the aforementioned combination. The article defines the content and artistic distinctive features of Slavic science fiction and fantasy. The author also highlights the connection between Slavic science fiction and fantasy and Soviet and Eastern-European tradition of sci-fi and fantasy from the prior period (1960-1980s). Furthermore, the study identifies the most notable distinctions that characterize the newest stage of Slavic science fiction and fantasy development. The article notes the change in priorities in modern science fiction and fantasy, particularly regarding the explored problems and themes, as well as the evolving role of this type of fiction in the literary and cultural landscape of the Slavic countries. Additionally, the orientation of science fiction and fantasy texts towards a changed readership is acknowledged. Along with science fiction and fantasy as a special type of fictional literature, the author analyses the “elite” prose of the postmodern and later periods that contains fantastic elements. The study reveals the specific tendency of these texts to “minimize” the fantastical aspects – from the “phantasmagorical” text of the 1990s to later works that allow for double interpretations, one being “realistic” and the other “fantastic”.

Keywords: contemporary Slavic science fiction and fantasy, Russian translations of Slavic science fiction and fantasy.

Фантастика занимает существенное место в современной литературе как России, так и зарубежных по отношению к ней славянских стран.¹ Несмотря на политические и культурные перемены, произошедшие в Центральной и Юго-Восточной Европе на рубеже XX-XXI вв., между российским и инославянским фантастическим сообществом сохраняются дружеские связи, происходит обмен критическими рецензиями и художественными текстами. Российский читатель, благодаря переводам, имеет возможность, пусть и не столь широкую, как ранее, следить за новинками фантастической продукции в других славянских литературах, оценивать и комментировать их на посвященных фантастике специализированных сайтах и интернет-порталах. Анализ русских переводов инославянских фантастов, изданных на протяжении последних тридцати лет, позволяет выявить художественные процессы, параллельно идущие в фантастике разных стран, сделать ряд выводов о содержательной и художественной специфике новейшей фантастической литературы, ее жанровых модификациях и проблемно-тематических приоритетах. В данной публикации мы попытаемся охарактеризовать ряд подобных переводов, привлекая к анализу те художественные тексты, которые характеризуют, на наш взгляд, интересные тенденции развития как российской, так и инославянской фантастики. Мы также проследим читательскую рецепцию данных текстов, основываясь на отзывах и рецензиях, размещенных на одном

1 См., например: (Дукай 2006), (Аверин 2015).

из наиболее авторитетных в российской фантастологической среде интернет-порталов «Лаборатория фантастики».²

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, необходимо сделать одно существенное примечание. В настоящее время в российской научной традиции и литературной практике понятие «фантастика» присутствует в двух родственных, однако не во всем совпадающих значениях. С одной стороны, в научных изданиях (словарях, энциклопедиях, справочниках) фантастика трактуется как «специфический метод отображения жизни, использующий художественную форму – образ (объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются не свойственным ей в принципе способом – невероятно, “чудесно”, сверхъестественно» (Нудельман 1972: 887). При подобной трактовке фантастика представляет собой универсальный художественный прием, доступный писателям, принадлежащим к самым разным течениям и литературным эпохам, не зависящий ни от степени таланта автора, ни от жанра, в котором создается тот или иной текст. Действительно, фантастика как элемент художественной структуры произведения присутствует и в романтической, и в реалистической, и в постмодернистской литературе, бывает представлена в жанровой форме романа, повести, рассказа и т.п.

На практике же – в издательской, рекламной, популяризаторской деятельности – и особенно в рамках особой «фантастической субкультуры», объединяющей читателей (почитателей), авторов и издателей фантастики, а также многих пишущих о ней литературных критиков и фантастологов, понятие «фантастика» означает скорее особую (и достаточно обособленную) область литературы, включающую произведения схожей тематики, проблематики и художественной формы. В этих произведениях фантастический элемент (посылка, образность, сюжет и т.п.), является основным объектом изображения, средоточием и главным средством раскрытия авторского замысла. В данном значении фантастику часто не вполне корректно именуют «жанром» – по аналогии с детективом или литературной сказкой, которые также могут пониматься и как совокупность жанровых форм (детективный роман, сказочная повесть и т.д.), и как единое в «жанровом», т.е. содержательном и художественном отношении, явление.

Фантастику во втором значении понятия чаще относят к разряду литературы «массовой», или «популярной», противопоставляя ей литературу «высокую», или «элитарную» (в англоязычной фантастологической терминологии – *mainstream*), и нередко критикуя за невысокий художественный уровень значительного количества относящихся к ней произведений. Соответственно, еще в советском литературоведении предпринимались попытки

2 <<https://fantlab.ru>> 27.06.2023.

разграничения «высокой» и «массовой» фантастики с утверждением различия их художественных параметров и функций («фантастика-цель» и «фантастика-средство», «содержательная» и «формальная» фантастика и т.п.).³ Автор данной статьи не разделяет подобного подхода, считая закономерности создания фантастического текста едиными для всего пространства художественной литературы. Вот почему и в данной публикации мы обратимся к различным по своему месту в литературной иерархии фантастическим текстам, попытавшись показать, что схожие процессы идут в настоящее время в фантастике как «массовой», так и «элитарной».

Начнем с первой. Фантастика как область литературы в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. вошла в новый этап своего развития, пережив при этом значительные, если не кардинальные перемены. Последние затронули как содержание и поэтику фантастических текстов, так и статус фантастики в социокультурном пространстве и России, и иных постсоциалистических стран. Если во второй половине XX в. восточноевропейская (в том числе славянская) фантастика развивалась под существенным влиянием советской фантастической традиции, то начиная с 1990-х гг. определяющими для нее стали западные образцы – прежде всего англоязычная *science fiction* и *fantasy*. Это привело к значительной редукции свойственной фантастике социалистической эры социально-философской проблематики в пользу приключенческих сюжетов и, наряду с «усталостью» читателей от «штампов» переживавшей в 1980-е гг. заметный идейно-тематический кризис научной фантастики (НФ), подготовило смену доминирующего типа фантастического повествования – переход от научной к волшебной фантастике (в русскоязычном фантаствоведении ныне именуемой «фэнтези»).

Сказалось на облике славянской фантастики и изменение редакционно-издательской практики на фоне коммерциализации художественной литературы. Если ранее основным «потребителем» фантастики в Восточной Европе была интеллигенция, то в нынешнюю эпоху большинство фантастических текстов создаются в расчете на массовую неспециализированную читательскую аудиторию, в том числе подростковую и молодежную. Это, как и стремление к коммерческой выгоде, привело к установке не столько на серьезность проблематики, как это было ранее, сколько на занимательность сюжета и развлекательный потенциал фантастики. Возросла событийность и динамика фантастического повествования, большее внимание начало уделяться новизне посылки и оригинальности фантастической модели реальности. Удачные вымышленные миры стали основой масштабных книжных серий, а наиболее популярные из новых фантастических сеттингов превратились в

3 Подробнее см. (Ковтун 2008).

мультимедийные «франшизы», объединяющие литературные, кинематографические, «ролевые» и игровые формы воплощения одного и того же сюжета.

Сказанное, разумеется, не означает, что все произошедшие в конце XX в. изменения свелись лишь к упрощению проблематики и снижению художественного уровня фантастического текста. Отсутствие цензуры, возросшая свобода авторов в выборе способа распространения своих произведений (значительная часть фантастики существует ныне в виде «сетевых публикаций» – электронных версий, не имеющих «бумажного» эквивалента и размещенных в свободном доступе в сети Интернет), а также ускорение темпов эволюции фантастики в условиях конкуренции с иными продуктами индустрии развлечений обусловили активизацию поиска писателями-фантастами и новых тем, и оригинальных способов их художественного воплощения. Российская и инославянская фантастика 1990–2010-гг., бесспорно, располагает и талантливыми авторами, и яркими произведениями – в том числе порождающими новые фантастические традиции и «тренды».

В сфере переводов на русский язык в нынешнюю эпоху устойчиво лидирует польская фантастика. Российскому читателю доступны лучшие произведения как минимум нескольких десятков современных польских писателей-фантастов.⁴ Польские авторы одинаково свободно чувствуют себя в самых разных вариантах фантастической прозы: научной фантастике, фэнтези, «альтернативной истории», «постапокалиптике» и т.д.; применительно к их текстам можно вести разговор на самые разные фантастоведческие темы. Однако нам бы хотелось обратить внимание лишь на одну из любопытных тенденций, наметившуюся в последние десятилетия. Речь идет о сочетании в сюжете произведения кропотливого (порой подчеркнуто «документального») воссоздания облика конкретной исторической эпохи (давней или почти современной) и откровенного вымысла, нередко самого невероятного.

Пальму первенства в воплощении данной тенденции можно отдать, пожалуй, самому популярному в России из зарубежных славянских фантастов Анджею Сапковскому (Andrzej Sapkowski, р. 1948). Его произведения, прежде всего новеллистический, а позже романнный цикл «Ведьмак Геральт» (1993–2013), стали известны на постсоветском пространстве еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и во многом обозначили для россиян старт новой эпохи, ознаменовавшейся появлением, а затем и господством фэнтези. Уже в раннем своем творчестве А. Сапковский проявил склонность к художественному эксперименту, не только обратившись в своих произведениях к образам славянской языческой мифологии, но и введя в сюжет элементы

4 Подробный обзор новинок польской фантастики на российском книжном рынке см.: (Ионов 2021).

фольклорной и литературной волшебной сказки – с их внешне «реалистичной» и «историчной» разверткой.⁵

Позже российским поклонникам польского фантаста стала доступна на русском языке его «гуситская трилогия» *Saga o Рейневане (Saga o Reynevanie, 2002–2006)*.⁶ В ней А. Сапковский обратился к событиям первой половины XV в., происходившим на территории Силезии и сопредельных ей регионов Центральной Европы. В поле зрения автора попало чешское гуситское движение и связанные с ним социокультурные процессы в различных европейских державах. На данном тщательно выписанном историческом фоне в трилогии разворачивается типичный фэнтезийный «квест». Ведется рассказ о путешествиях и приключениях молодого дворянина, ранее учившегося медицине во Вроцлаве и Праге, а ныне использующего в профессиональной деятельности (а равно и в житейских перипетиях) врожденные способности к магии.

Позднесредневековую Европу в трилогии А. Сапковского наряду с реальными историческими персонами населяют колдуны и ведьмы, а континентальной политикой вместе с хорошо известными монархами заправляют загадочные чародеи-оборотни. Столь смелое сочетание исторических фактов с фантастической образностью, конечно, не является чем-то принципиально новым. Можно вспомнить, например, весьма популярную в Чехии и также переведенную в России (тогда – СССР) трилогию чешского писателя Владимира Неффа (Vladimír Neff, 1909–1983) об эпохе Тридцатилетней войны.⁷ Однако в цикле А. Сапковского привлекает внимание глубина проработки исторического контента и подчеркнутое стремление автора к документальной точности. Романы изобилуют ссылками на подлинные имена, реалии и факты, смешанные с именами и фактами вымышленными и приводимые в столь значительном количестве (заставляющем предположить скрытую иронию), что даже для горячих поклонников жанра «альтернативной» и «криптологической» истории их восприятие сопряжено с ощутимыми трудностями.

Вот как выглядит, например, описание времени действия первой части трилогии. «Из других, что в то время померли и которых я помню, скончался Эрнест Железный Габсбург, властитель Штирии, Каринтии, Краины, Истрии и Триеста. Умер Ян Рацибор, князь пястовской крови, а одновременно и пшемыслинской. Помер молодым Вацлав, *dux Lubiniensis*, умер князь Ген-

5 Подробнее см.: (Ковтун 2002).

6 В состав трилогии вошли романы *Narrenturm* (2002), *Божьи войны* (2004) и *Lux perpetua* (2006), опубликованные в России в переводах Е. Вайсброта – *Башия иутов* (2004), *Божьи войны* (2006) и В. Фляка – *Свет вечный* (2009).

7 В трилогию вошли романы *У королев не бывает ног (Královný nemají nohy, 1973)*, *Перстень Борджа (Prsten Borgii, 1975)* и *Прекрасная чародейка (Krásná čarodějka, 1980)*, изданные в 1990 г. в переводе В. Мартемьяновой (первый и второй романы) и Н. Аросовой (Нефф 1990).

рик, на пару с братом Яном правивший в Зембицах. Умер на чужбине Генрик dictus Румпольда, князь Глогова и ландвойт Верхних Лужиц... Немаловажные события также и в культуре в те времена происходили. Проповедовал вдохновенный Бернардин Сиенский, проповедовали Ян Канти и Ян Капистран, поучали Ян Джерсон и Павел Влодковиц, писали поучения Кристина из Пизы и Фома Кемпийский. Писал свою превосходную хронику Вавжинец из Бжезовой, писал иконы Андрей Рублев, писал Томасо Масаччио, художествовал Роберт Кемпин» (Сапковский 2004).

Столь явное сопряжение А. Сапковским исторической правды и художественного вымысла получило у российских читателей неоднозначную оценку. Мнения добровольных рецензентов трилогии на портале «Лаборатория фантастики» разделились. Одобрив авторский замысел в основном те поклонники польского фантаста, которым и в его предыдущих текстах «хотелось бы побольше средневековья и поменьше упырей» (читатель под никнеймом ШуаГ). Эта часть аудитории отметила, что «книга буквально дышит историей» (пользователь Black ermine) и что «Сапковскому <...> удалось совместить историческую литературу и фэнтези, серьезную философскую прозу и легкий развлекательный роман» (пользователь andron 666). Другая же часть почитателей мэтра осудила его за отступление от канонов фэнтези. «Если вам нравятся исторические приключенческие романы, то читать стоит, а если хочется фэнтези, то не тратьте время!» (читатель ViaVia). «Если бы тут было чуть больше магии и фантастики <...> все эти исторические приключения лекаря и магика <...> были бы поинтереснее» (пользователь Stixia). Не впечатлила читателей и повествовательная манера А. Сапковского. «Пан явно болеет любовью к огромному количеству имен, фамилий и к перечислениям, которые местами можно смело пробегать глазами по диагонали, так как эти сегменты интересны только автору и другим ценителям европейской истории XV века» (читатель NastyНурocrite).⁸ В итоге общая оценка трилогии на сайте «Лаборатория фантастики» составила 8.34 балла из возможных 10.

Ту же тенденцию к «историзации» фэнтези, хотя и в несколько ином, более обнажающем условность приема варианте, можно увидеть в цикле *Последняя Речь Посполитая* (*Ostatnia Rzeczpospolita*, 2002–2012) другого польского фантаста – Томаша Колодзейчака (Tomasz Kołodziejczak, p. 1967).⁹ В этом цикле события разворачиваются в «альтернативной» Европе, которая в начале XXI в. пережила нашествие инопланетных монстров, питающихся человеческими страданиями. Захватчики укрепились на западе европейско-

8 <<https://fantlab.ru/work3056>> 27.06.2023.

9 В цикл входят роман *Черный горизонт* (*Czarny Horyzont*, 2010), повести *Красный туман* (*Czerwona mgła*, 2012) и *Красавица и граф* (*Piękna i graf*, 2006), а также несколько рассказов. На русском языке цикл издан в 2022 г. в переводе С. Легезы (Колодзейчак 2022).

го континента, а Центральная Европа образовала их колониальные владения. И лишь обновленная польская держава сохранила независимость – благодаря сотрудничеству с другой космической цивилизацией, враждебной захватчикам и дружественной людям. Территории за западной границей Польши становятся в цикле Т. Колодзейчака своего рода «предпольем» – ничейной землей между двумя враждующими мирами. Именно на этом пограничье и проходят трудовые будни главного героя, являющегося географом – но в новом понимании этого слова. В мире, лишенном прежних границ, он становится разведчиком и проводником, чем-то напоминающим первопоселенцев американского Дикого Запада.

Цикл Т. Колодзейчака критика¹⁰ относит к «технофэнтези» – жанровой разновидности фантастики, набирающей в последние десятилетия все большую популярность и сочетающей в себе черты научной фантастики и фэнтези. Помимо использования высоких технологий, оба пришедшие на Землю инопланетные сообщества владеют магией, соответственно черной и белой. Но читательское внимание привлекает не это, а прежде всего стилизация инопланетян под столь памятных всем поклонникам фэнтези персонажей эпического цикла Д. Толкиена. Так, злобные пришельцы именуются у Т. Колодзейчака балрогами, а дружественные – эльфами. Последние сохраняют и детали облика толкиеновских эльфов (остроконечные уши), и присущие им атрибуты (например, амулеты и оружие из фантастического металла мифрила).

Намеренное, и даже нарочитое, привнесение элементов во многих смыслах «канонического» фэнтезийного сеттинга в фантастическое повествование, включающее существенный компонент «альтернативной истории», создает запоминающийся эффект. Автор не без иронии обыгрывает возникающие при подобном синтезе политические, социокультурные и литературные ассоциации. Достаточно лишь взглянуть на описание нравов «альтернативной» (но при этом вполне узнаваемой) Варшавы. «Месса перед митингом социалист-националов подошла к концу <...> Бабки чаще носили на шеях медальоны с символом организации – профили Ленина, Гитлера и Че, над которыми парило Око Саурана. Парни чаще носили кресты на тонких ремешках <...> Они собрались на улице Агриколы, у полевого алтаря, а ксендз старокатоликов из не признаваемой властью папской церкви произносил последние слова мессы <...> Не дожидаясь, пока верные закончат петь “Боже, что Польшу”, один вскарабкался наверх и свистнул <...> Польша для поляков! – Земля для людей! – крикнула в ответ толпа <...> Долой эльфов! – Долой монархию! <...> Саурон! Саурон! Саурон!» (Колодзейчак 2022). Как видим, в культуре новой Речи Посполитой органично сопряжены исторические и ми-

10 См., например: (Скибина 2022).

фологические концепты, а имя главного злодея толкиеновского эпоса естественным образом вписано в галерею реальных политиков и революционеров.

Российские читатели в целом положительно оценили необычный мир Т. Колодзейчака. «Плюс первый (безоговорочный). Фантазия автора», – написал о романе *Черный горизонт* пользователь под никнеймом Seidhe. Его поддержали читатели Jozef Nerino («Книга прекрасна <...> пока идет погружение в мир») и Nikonogov («Это своего рода свежо»). Вместе с тем участники обсуждения отметили некоторую трафаретность событий и героев («Моя главная претензия <...> очень скудный сюжет и практически нераскрытые персонажи», – сообщил читатель Deusium), тяжелую стилистику (от которой пользователь Harlekin667 во время чтения «чувствовал растущую усталость») и избыточный «полоноцентризм» авторской концепции («Кроме польского вопроса в книге почти ничего нет», – заявил пользователь Megachainick).¹¹ Общая оценка цикла Т. Колодзейчака на интернет-портале «Лаборатория фантастики» составила 7,35 баллов из 10.

Произведения А. Сапковского и Т. Колодзейчака являются отнюдь не единственными примерами рассматриваемой нами тенденции. Тот же прием сопряжения исторического и фантастического компонента сюжета нетрудно обнаружить, например, в повести еще одного польского фантаста, Ярослава Гжендовича (Jarosław Grzędowicz, р. 1948) *Век волков (Wilcza zamięć, 2005)*,¹² где в 1944 г. экипаж немецкой подводной лодки, благодаря присутствию на ее борту свершивших специальные обряды членов оккультного «Общества Туле», получает возможность попасть в языческий скандинавский Асгард и воочию наблюдать одноглазого Одина на восьминогом коне Слейпнире.

Аналогичный художественный прием можно увидеть и в произведениях современных болгарских фантастов. Фантастическая литература Болгарии известна российскому читателю существенно меньше, нежели польская. Однако благодаря своим поклонникам и подлинным энтузиастам как с российской, так и с болгарской стороны, она продолжает оставаться предметом и научного осмысления,¹³ и критической рефлексии¹⁴ на русском языке. Не так давно интересная подборка переводов была издана в сборнике под названием *Третье пришествие. Современная фантастика Болгарии* (Третье пришествие 2012).

В составе сборника обращают на себя внимание рассказы Ангелины Илиевой (р. 1972), пишущей под псевдонимом Иоанн Владимир. Уже сам

11 <<https://fantlab.ru/work334410>> 27.06.2023.

12 На русском языке повесть впервые издана в переводе С. Легезы в одноименной антологии (Век волков 2015).

13 См., например: (Харитонов 2003).

14 См., например: (Славов и др. 2020).

этот псевдоним отсылает читателя в прошлое, которое является важным объектом изображения, например, в новелле *Покушение (Атенатът, 2004; перевод О. Поповой)*. Ее героем становится один из известнейших персонажей болгарской истории, св. Патриарх Евфимий Тырновский (ок. 1330 – ок. 1403). Повествование содержит реминисценции, воспроизводящие эпизоды его подлинной биографии – взятие Тырнова османами в 1393 г., ссылка в Бачковский монастырь. В сюжетной же линии, связанной с современностью, он вновь обитает, теперь уже в качестве невидимого людям небожителя, в заново отстроенном Тырнове, жители которого, отказавшись от христианства, заключили союз с древней расой разумных драконов, согласно преданию некогда основавших и сам этот город. Вместе с другими историческими и фантастическими персонажами, в числе которых свв. Параскева и Филофея Тырновские и даже сам св. Георгий, Евфимий является защитником своих соотечественников, мечтающим избавить их от власти крылатых змеев и участвующим в покушении на их владычицу – трехголовую Шар-Кан.

Комический вариант совмещения исторической реальности и фантастики демонстрирует давший название сборнику рассказ А. Славова (1947–2022) *Третье пришествие (Третото пришествие, 2003; перевод О. Поповой)*. Изображенная в нем застольная беседа большой и дружной болгарской семьи о европейских новостях включает самые невероятные сюжеты. Так, в Африке выступающий от имени «прогрессивных европейских сил» 13-й Трансильванский корпус «Вампир» воюет с наемниками «Гаитянской Зомбармии», в результате чего испытывает «серьезные проблемы с питанием трансильванских командос». (Третье пришествие 2012). А в России и США высаживаются инопланетяне – но застают в каждой из этих стран весьма несхожий прием. Если прагматичные американцы заключают с посетившими их веганцами выгодный торговый договор, снабжая последних за большую плату собственной ментальной энергией, то россияне, отказавшись от предложенных им марсианами в обмен на дань кровью высоких технологий, поднимают восстания и организуют для борьбы с пришельцами партизанские отряды.

Однако, как мы пояснили выше, фантастические посылки и образность присутствуют в современных славянских литературах и вне пределов традиционно понимаемого фантастического «жанра». Фантастика и родственные ей формы художественного вымысла (сказка, миф и др.) нередко встречаются и в литературных текстах, рассчитанных на вдумчивого читателя, обладающего широким культурным кругозором и развитым вкусом. Яркие модели вымышленной реальности представлены в современной польской, чешской и сербской прозе, относящейся к постмодернизму и иным новейшим литературным течениям.

В данной сфере нам представляется любопытной наметившаяся в последнее двадцатилетие тенденция к редукции вымысла, пришедшая на смену противоположному принципу его предельной обнаженности, характерной для постмодернистской прозы 1990-х гг. Так, в известных российскому читателю романах *Путь людей Книги* (*Podróż ludzi Księgi*, 1993) польской писательницы Ольги Токарчук (Olga Tokarczuk, p. 1962), *Другой город* (*Druhé Město*, 1993) чеха Михала Айваза (Michal Ajvaz, p. 1949), *Осада церкви Святого Спаса* (*Onsada crkve Svetog Spasa*, 1997) серба Горана Петровича (Горан Петровић, p. 1961) и других произведениях конца XX в. определяющей чертой поэтики были карнавализация и гротеск. Шла ли речь о поисках таинственной Книги Книг, о прогулках по Праге, приводящих к раскрытию ее тайных измерений, или о переплетении исторических судеб балканских народов, всюду в постмодернистских опытах 1990-х гг. были представлены не фантастика в ее «классических» и хорошо известных «научном» и «сверхъестественном» вариантах, но, скорее, фантазмагория и парадокс, подчас едва ли не выходящие за пределы традиционного художественного дискурса. При этом наблюдался не просто отказ авторов от какого бы то ни было обоснования фантастической посылки, но намеренное «провоцирование» читателя на стирание любых границ между возможным и невозможным, вымышленным и реальным.

В рамках постмодернистской картины мира фантастика перестала быть привносимым в художественную интерпретацию реальности дополнительным «элементом необычайного», превратившись в неотъемлемую характеристику самой реальности, столь же обыденную и присущую ей, как и повседневный опыт, житейский здравый смысл. Вот почему читателя не должны были удивлять ни, скажем, внезапно всплывшая из вод Влтавы гигантская рыба, ни расположенный под пражским холмом Петршин храм неведомого языческого бога. Или, например, обращенная к византийским правителям просьба первого сербского архиепископа Саввы подарить ему четыре окна, из которых видно прошлое, настоящее (в том числе удаленное в пространстве) и будущее. Читателю предлагалось самостоятельно вообразить себе процесс «демонтажа» этих окон и их погрузки на вьючных животных для доставки в монастырь Жича. «Первая группа каменотесов отправилась в сад патриаршего дворца и сняла окно <...> вырезанное из красного мрамора. Вторая прибыла в палаты императрицы и тихо, чтобы не разбудить ее, сняла те два окна <...> из голубого мрамора. А третья артель мастеров по камню пошла к самой высокой в городе монастырской башне и сняла окно <...> вырезанное из зеленого мрамора. Когда мулы с пурпурными седлами были нагружены <...> караван торжественно проследовал через главные городские ворота» (Петровиц 2001: 31–32).

В последующие десятилетия – возможно, с учетом перенасыщения читательского сознания алогизмами – на смену абсурдизации вымысла постепенно приходит принцип минимизации фантастического начала. Его можно увидеть, например, в романах *Последние истории* (*Ostatnie historie*, 2004) О. Токарчук или *Во тьму* (*Do tmy*, 2015) чешской писательницы Анны Болавы (Anna Bolavá, p. 1981).

В каждой из них раскрыты нелегкие, но в целом почти обыкновенные женские судьбы. В романе О. Токарчук речь идет о бабушке, дочери и внучке, каждая из которых в свое время сталкивается со смертью – и своих близких, и людей, случайно оказавшихся рядом, и, наконец, с собственной приближающейся кончиной. В одной из историй дочь старшей из героинь попадает в автомобильную аварию и вынуждена провести несколько дней в странном доме на окраине предместья в компании двух стариков и многих больных животных, которых привозит сюда умирать внук хозяев, по профессии ветеринар. Потратив эти дни на воспоминания о былом и мысленные разговоры с родными, героиня возвращается на место аварии и вновь садится в свою машину, принимая ту же позу, в которой, как предполагалось ранее, она пришла в себя после падения с откоса. Читатель волен самостоятельно решить, стало ли это странной попыткой возврата к прошлому не вполне осознающей себя после полученной травмы женщины – или же автор изобразил посмертное существование человеческой души, осмысляющей опыт завершившейся жизни.

В романе А. Болавы мы видим застенчивую и робкую даму, живущую в чешской провинции и зарабатывающую на жизнь переводами с иностранного языка и продажей собственноручно собираемых лекарственных трав. Поездки по работе в Прагу, разговоры с соседкой, нелегкие, порой драматичные, отношения с бывшим мужем и его родней и, главное, общение с так любимой ею природой поглощают все ее время. В финале, испытывая серьезное недомогание, героиня забирается на чердак и, по-видимому, умирает, зарывшись в ворох заботливо высушенных ею заранее цветов и листьев. Текст, однако, может быть прочитан и иначе, как фантастическая история русалки или лесной девы (себя героиня то ли иносказательно, то ли всерьез именует вилой), с трудом выносящей жизнь среди людей и переживающей в конце романа трансформацию, позволяющую ей уйти в иную реальность.

В обеих книгах большинство эпизодов намеренно изображено писательницами так, что в равной мере допускают как обыденную, так и необычайную трактовку. Постоянное колебание читателя между верой и неверием в правдивость – или даже самую возможность – сюжетных событий придает им дополнительную смысловую глубину и снабжает рутинную повседневность чудесным ореолом. Поиск подлинной сути происшедшего, так и не за-

вершающийся отгадкой, создает психологический и художественный эффект, не уступающий по силе броским фантасмагориям 1990-х гг.

Фантастические произведения писателей «мейнстрима» в большинстве своем входят в информационную базу портала «Лаборатория фантастики», однако существенно реже, чем ее «жанровые» образцы, отслеживаются и комментируются читателями. Тем не менее и о них нам хотелось бы привести два читательских суждения. Первое принадлежит пользователю под ником Russell D. Jones и относится к роману Г. Петровича. «Удивительная книга! <...> В “Осаде” особенно чувствуется буквальная “вера в победу добра, несмотря на всемогущее зло”. Для сербов <...> это не метафоры и сказки <...> Роман позволяет понять, как именно этот народ и эта культура, в чем-то близкая русской <...> умудряется воскресать из пепла».¹⁵ Второе посвящено *Последним историям* О. Токарчук и высказано читательницей под ником kerigma. Отметив достоинства стиля романа («Повествование очень лиричное, приглушенное, но безусловно мастерское»), она подчеркнула именно славянский «акцент» подобного типа художественного вымысла. «Это все есть и у Кундеры, и в гораздо большей степени – у Павича <...> бытийность, помноженная на красивый язык и Восточную Европу»¹⁶.

Намеченные в данной публикации тенденции представляют собой лишь предварительные наблюдения над современной славянской фантастикой, доступной российскому читателю в русских переводах. Эти наблюдения, конечно, еще предстоит проверить временем и анализом более широкого корпуса художественных текстов. Однако и сейчас уже ясно, что новейшая эпоха в истории славянской фантастической литературы является, пусть и на свой особый лад, не менее яркой и интересной, нежели предшествующая ей послевоенная социалистическая эра.

Использованная литература

- Аверин, Никита В. В России издают слишком много фантастов. 11.05.2015 <<https://fantlab.ru/blogarticle36487>> 27.06.2023
- [Averin, Nikita V. V Rossii izdaïut slishkom mnogo fantastov. 11.05.2015 <<https://fantlab.ru/blogarticle36487>> 27.06.2023]
- Дукай, Яцек. Пейзаж после победы, или польская фантастика AD 2006. Перевел с польского С. Легеза. <<https://fantlab.ru/blogarticle12070>> 27.06.2023
- [Dukaï, Jãtsek. Peïzazh posle pobedy, ili pol'skaïã fantastika AD 2006. Perevel s pol'skogo S. Legezã. <<https://fantlab.ru/blogarticle12070>> 27.06.2023]
- Ионов, Алексей. Не только «Ведьмак»: гид по польской фантастике и фэнтези. DTF: Проект о развлечениях. 14.01.2021 <<https://dtf.ru/read/91615-ne-tolko-vedmak-gid-po-polskoy-fantastike-i-fentezi>> 27.06.2023

15 <<https://fantlab.ru/work31426>> 27.06.2023.

16 <<https://fantlab.ru/user23541>> 27.06.2023.

- [Ionov, Alekseĭ. Ne tol'ko «Ved'mak»: gid po pol'skoĭ fantastike i fentezi. DTF: Proekt o razvlecheniĭakh. 14.01.2021 <<https://dtf.ru/read/91615-ne-tolko-vedmak-gid-po-polskoy-fantastike-i-fentezi>> 27.06.2023]
- Ковтун, Елена Н. «Основные тенденции развития фантастики славянских стран в 1990-е годы (чешско-польско-русские параллели)». [В:] Л. И. Сазонова (отв. ред.) Литература, культура и фольклор славянских народов. Москва: ИМЛИ РАН, 2002, 285–299.
- [Kovtun, Elena N. «Osnovnye tendentsii razvitiia fantastiki slavianskikh stran v 1990-e gody (cheshsko-pol'sko-russkie paralleli)». [V:] L. I. Sazonova (otv. red.) Literatura, kul'tura i fol'klor slavianskikh narodov. Moskva: IMLI RAN, 2002, 285–299]
- Ковтун, Елена Н. Художественный вымысел в литературе XX века. Москва: Высшая школа, 2008.
- [Kovtun, Elena N. Khudozhestvennyĭ vymysel v literature XX veka. Moskva: Vysshaia shkola, 2008]
- Нудельман, Рафаил И. Фантастика. [В:] А. А. Сурков (глав. ред.) Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1972, 887–895.
- [Nudel'man, Rafail I. Fantastika. [V:] A. A. Surkov (glav. red.) Kratkaiā literaturnaia ěntsiklopediia. T. 7. Moskva: Izdatel'stvo «Sovetskaia ěntsiklopediia», 1972, 887–895]
- Скибина, Ульяна. Томаш Колодзейчак «Чёрный горизонт. Красный туман». Сражения с чудовищами, высокородные эльфы, постапокалиптическое будущее, и всё это – в Польше. Мир фантастики и фэнтези. 14.03.2022. <<https://www.mirf.ru/book/tomasz-kolodziejczak-chyornyj-gorizont-krasnyj-tuman>> 27.06.2023
- [Skibina, Ul'iana. Tomash Kolodzeĭchak «Chĕrnyĭ gorizont. Krasnyĭ tuman». Srazheniia s chudovishchami, vysokorodnye ěl'fy, postapokalipticheskoe budushchee, i vsĕ ěto – v Pol'she. Mir fantastiki i fentezi 14.03.2022 <<https://www.mirf.ru/book/tomasz-kolodziejczak-chyornyj-gorizont-krasnyj-tuman>> 27.06.2023]
- Мясников, Виктор А. «Пограничная словесность». Если 11, 2013 <http://rulibs.com/ru_zar/sf/chan/c/j48.html> 27.06.2023
- [Мясников, Виктор А. «Пограничная словесность». Если 11, 2013 <http://rulibs.com/ru_zar/sf/chan/c/j48.html> 27.06.2023]
- Славов, Атанас, Янчо Чолаков. Современная болгарская фантастика. Перевод Н. Недялковой. 17.04.2020 <<https://fantlab.ru/blogarticle66408>> 27.06.2023
- [Slavov, Atanas, Iancho Cholakov. Sovremennaia bolgarskaia fantastika. Pervod N. Nedialkovoĭ. 17.04.2020] <<https://fantlab.ru/blogarticle66408>> 27.06.2023]
- Харитонов Евгений В. Болгария фантастическая: Обзорение болгарской фантастической прозы и критики. София: Аргус, 2003.
- [Kharitonov Evgeniĭ V. Bolgariia fantasticheskaiā: Obozrenie bolgarskoĭ fantasticheskoi prozy i kritiki. Sofiia: Argus, 2003]

Источники

- Айваз, Михал. Другой город. Пер. с чешск. Е. Бобраковой-Тимошкиной. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004.
- [Aĭvaz, Mikhail. Drugoi gorod. Per. s cheshsk. E. Bobrakovoĭ-Timoshkinoĭ. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2004]

- Болава, Анна. Во тьму. Пер. с чешского и прим. А. Агаповой. Санкт-Петербург: Издательство «Симпозиум», 2018.
- [Bolava, Anna. Vo t'mu. Per. s cheshskogo i prim. A. Agapovoi. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Simpozium», 2018]
- Век волков: Антология / Сост.: В. Аренев. Харьков, Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2015.
- [Vek volkov: Antologīā / Sost.: V. Arenev. Khar'kov, Belgorod: Knizhnyi klub «Klub semeinogo dosuga», 2015]
- Колодзейчак Томаш. Черный горизонт. Красный туман. Пер. с польск. С. Легезы. Москва: Эксмо: Fanzon, 2022 <<https://www.rulit.me/books/chernyj-gorizont-krasnyj-tuman-sbornik-litres-read-688936-1.html>> 27.06.2023
- [Kolodzeičak Tomash. Chernyj gorizont. Krasnyj tuman. Per. s pol'sk. S. Legezy. Moskva: Ėksmo: Fanzon, 2022 <<https://www.rulit.me/books/chernyj-gorizont-krasnyj-tuman-sbornik-litres-read-688936-1.html>> 27.06.2023]
- Сапковский, Анджей. Башня шутов. Пер. с польск. Е. Вайсброта. Москва: АСТ, Люкс, 2004 <<https://www.rulit.me/books/bashnya-shutov-read-16072-1.html>> 27.06.2023
- [Sapkovskii, Andzhej. Bashniā shutov. Per. s pol'sk. E. Vaĭsbrota. Moskva: AST, Līuks, 2004 <<https://www.rulit.me/books/bashnya-shutov-read-16072-1.html>> 27.06.2023]
- Нефф, Владимир. У королев не бывает ног. Перстень Борджа. Прекрасная чародейка. Пер. с чеш. В. Мартемьяновой и Н. Аросевой. Москва: Художественная литература, 1990.
- [Neff, Vladimir. U korolev ne byvaet nog. Persten' Bordzha. Prekrasnaĭa charodeĭka. Per. s chesh. V. Martem'ianovoi i N. Arosevoi. Moskva: Khudozhestvennaĭa literatura, 1990]
- Петрович, Горан. Осада церкви Святого Спаса. Пер. с сербск. Л. Савельевой. Санкт-Петербург: Амфора, 2001.
- [Petrovich, Goran. Osada tserkvi Sviatogo Spasa. Per. s serbsk. L. Savel'evoi. Sankt-Peterburg: Amfora, 2001]
- Токарчук, Ольга. Последние истории. Пер. с польск. И. Адельгейм. Москва: Новое литературное обозрение, 2006.
- [Tokarchuk, Ol'ga. Poslednie istorii. Per. s pol'sk. I. Adel'geim. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006]
- Токарчук, Ольга. Путь Людей Книги. Пер. с польск. К. Старосельской. Москва: АСТ, 2002.
- [Tokarchuk, Ol'ga. Put' Liūdeĭ Knigi. Per. s pol'sk. K. Starosel'skoĭ. Moskva: AST, 2002]
- Третье пришествие. Современная фантастика Болгарии. Москва: Вече, 2022 <<https://www.rulit.me/books/trete-prishestvie-sovremennaya-fantastika-bolgarii-litres-read-640350-1.html>> 27.06.2023
- [Tret'e prishestvie. Sovremennaĭa fantastika Bolgarii. Moskva: Veche, 2022 <<https://www.rulit.me/books/trete-prishestvie-sovremennaya-fantastika-bolgarii-litres-read-640350-1.html>> 27.06.2023]

САВРЕМЕНИ СЛОВЕНСКА ФАНТАСТИКА У ПРЕВОДИМА И РЕЦЕПЦИЈИ У РУСИЈИ

Резиме

Савремена фантастика у Русији и другим словенским земљама значајно се разликује од фантастике из доба социјализма. Средином 1990-их дошло је до значајних промена не само у садржају и поетици фантастичних дела, већ и у статусу и функционисању фантастичне књижевности. Ако је у периоду од 1950. до 1980. година словенска фантастика – барем у официјалном књижевном процесу – следила совјетске моделе и одликовала се доминацијом научнофантастичног приповедања, озбиљношћу друштвено-филозофске проблематике, онда су се на прелазу из 20. у 21. век западни уметнички модели веома раширили, што је, између осталог, довело до промене водећег типа фантастике (од научне фантастике ка фентезију/епској фантастици), давања предности авантуристичким заплетима и усмеравање фантастичних текстова ка масовној читалачкој публици. Истовремено, најновију еру у развоју словенске фантастике карактерише активна потрага за оригиналним идејама и премисама, брзи темпо еволуције уметничких структура. У савременој фантастичкој литератури постоји значајна тематско-проблемска разноврсност и жанровска диференцијација, а очигледно је интересовање аутора за сложене синтетичке структуре у којима се комбинују различите врсте фантастике и сродне форме уметничке фикције.

Упркос политичким и културним променама деведесетих година 20. века, најбољи образци најновије словенске фантастике и даље су доступни руском читаоцу у руским преводима. Анализа ових публикација и одзива читалаца објављених на једном од водећих специјализованих руских интернет портала, „Лабораторија фантастике”, омогућава не само да се прате карактеристике рецепције дела словенских фантаста у Русији, већ и изнети низ запажања о активним процесима који се паралелно одвијају у разним словенским књижевностима. У чланку се посебно говори о тренду који се последњих деценија појавио у стваралаштву пољских и бугарских писаца фантастике да се фантастички ликови и догађаји сместе у веродостојно приказано конкретну историјску епоху – са не ретким истицањем условног карактера који се добија као резултат спајања сижејних конструкција. Као својеврстан аналог овог процеса у „елитистичкој” уметничкој прози, која такође користи и фантастични елемент, може се сматрати постмодернистичка „фантазмагоризација” фикције деведесетих година 20. века, која у уметничку стварност дела уноси значајана удео гротеске и апсурда. При крају прве деценије 21. века овај тренд, међутим, у „елитној” књижевности мења вектор, манифестујући се, напротив, у минимизирању фикције, што ауторе привлачи могућношћу двојног („обичног” и „необичног”) тумачења приказаних догађаја.

Кључне речи: савремена словенска фантастика, преводи словенске фантастике у Русији.